

ВАШ ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР | YOUR PERSONAL COPY

АЭРОФЛОТ

Premium

БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ | INFLIGHT MAGAZINE

№ 11 НОЯБРЬ | NOVEMBER 2015

48 PAGES
IN ENGLISH
INSIDE

ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ

ПЕРУАНСКИЙ МАРШРУТ.
ОТ ЗЕМЛИ ДО НЕБА

BEST OF THE BEST.
ОТЕЛИ, ОВЕЯННЫЕ ВЕКАМИ

КРАСКИ БЕЛОГО СЕВЕРА.
ФОТОПРОЕКТ

А снег идет

О СНЕЖНЫХ МЕСТАХ, ОТЕЛЯХ, СТОЯЩИХ В ЭТИХ МЕСТАХ, И ЛЫЖНИКАХ РАЗНЫХ РАЗМЕРОВ, ЛЮБЯЩИХ СНЕГ, — ПУТЕШЕСТВЕННИК, ГЕДОНИСТ, ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ

ГЕННАДИЙ ЙОЗЕФАВИЧУС, *Condé Nast Traveller*

В Москве было серо и бесснежно, и мне приходилось раз за разом таскать любимые санки Маши — вместе с Машей, понятно, — по обледенелому асфальту Тверских-Ямских. Такие прогулки ни меня, ни Машу не радовали. А ведь зима была уже на исходе, и снега — белого, чистого, гладкого — от нее ожидать не приходилось. Сезон санок, по всему, был безвозвратно пропущен.

И тут мысль — чистая и гладкая, как требуемый снег, — пронзила мое сознание: «Надо ехать к снегу, туда, где он еще есть, в горы». И я взял билеты — для себя и Маши; у Машиной мамы, как всегда, были неотложные дела, да и без снега она претолочно справлялась.

В назначенный день мы приехали в Шереметьево, сели в самолет со словом «Аэрофлот» на фюзеляже и через три часа просмотра мультфильмов приземлились в Женеве. Там пересели в машину, повертели по серпантину и, прилипнув к окнам, въехали в какое-то Берендеево царство.

В нем, этом царстве, лапы елей клонились к земле под тяжестью белого снега, крыши домов были белыми от снега, тротуары были тоже белыми: снег с них никто не счищал, снег был на них лишь присыпан гранитной крошкой. Место называлось Куршевель-1850, дело было во Французских Альпах. Сезон в этом знаменитом городке к тому времени уже почти закончился, народу было мало, а потому весь снег оставался нам. Ну и тем лыжникам, которые мимо нас проносились: в Куршевеле, если вы вдруг не в курсе, лыжники повсюду, лыжня там проложена чуть ли не по городским улицам.

Водитель довез нас до L'Arogee, нашей гостиницы, сдал на поруки портье и, гремя цепями на колесах, уехал. Маша, наконец-то дорвавшаяся до снега, немедленно слепила снежок и пулынула им в первого попав-

шегося под руку мальчишку. Мальчишка — в комбинезоне, шлеме, очках, — вежливо кивнув, пошел, смешно переступая с пятки на носок в своих горнолыжных ботинках, дальше. У него явно были дела. И у него явно не было времени на глупости. Маша задумалась.

Потом мы встретили — уже в гостиничном баре, где во внеурочный час нас обещали накормить макаронами, — другого мальчишку, Тима. Тим был нам знаком, более того, он тоже пришел за макаронами. И был Тим, кстати, тоже в комбинезоне: накатавшись, маль-

чик так проголодался, что стянуть с него спецодежду оказалось категорически невозможно. Мама и не пыталась.

Детям принесли две тарелки, и Маша с Тимом стали наперегонки втягивать в себя длинные макароны. Втянув в себя все, дети уединились в апартаментах Тима на втором этаже L'Arogee, и за те полчаса, за которые бывалый лыжник успел рассказать девочке обо всех своих успехах, решение Машей было принято: отринув санки как идею, Маша

стала лыжницей. Дело было за малым — экипироваться и найти инструктора. Я в качестве учителя не подходил: на лыжах я не катаюсь. Понятно, что в L'Arogee нашлось всё и все, и со следующего утра моя четырехлетняя дочь начала обучение. А на третье утро я получил от Машиного учителя видео: девочка, будто всю жизнь только этим и занималась, катилась со склона, держа за лапу кролика Ипполита. Машина куртка цвета фуксии, выбранные Машей розовые лыжи и такой же шлем — все это ярким пятном выделялось на белом склоне. И таком же белом небе. Снег был повсюду.

Я, кстати, тоже неплохо провел время в этом самом L'Arogee: японская кухня, свежие газеты, зеленый чай и бассейн вполне заменяли мне горы. Снег-то я люблю на расстоянии. В отличие от моей дочери. ❄️

Метеорологический факт: в феврале-марте высота снежного покрова на курортах Куршевеля достигает 240 сантиметров

Let it snow

HOTELS IN SNOWY LOCATIONS AND SKIERS OF VARYING SIZE WHO LOVE SNOW ARE COVERED IN THIS COLUMN BY THE TRAVELLER, HEDONIST AND NATURALIST

GENNADY JOZEF AVICHUS, *Condé Nast Traveller*

Moscow was grey and snowless, and I kept hauling Masha's favourite sled – not without Masha, I must tell you – along the iced-over asphalt of the urban maze around Tverskaya. Neither Masha nor myself were too happy about those promenades. Winter was winding down, and it was obvious that snow – white, fluffy, smooth – would not be among its gifts. The sled season, it seemed, was irrevocably lost.

Suddenly a thought – clean and smooth like the coveted snow – pierced my brain: “We should go for the snow, find it where it exists; we should go to the mountains.” So I bought tickets for Masha and myself – Masha's mum, as always, was tied up, and was doing quite nicely without snow, thank you very much.

On Day X we arrived at Moscow's Sheremetyevo airport, boarded the plane whose fuselage was adorned with the Aeroflot logo, and after three hours of watching cartoons landed in Geneva. There we jumped into a car, meandered along a mountain road a bit and, glued to the windows, entered some kind of enchanted kingdom. In that kingdom, fir-tree branches were weighed down by white snow, housetops were white with snow, pavements were white, too: no one removed snow from them, they were only peppered with granite chips. The place was called Courchevel 1850, in the French Alps. In the famous town, the season was almost over, there were few people around, so all the snow was ours to enjoy. And the skiers' – the skiers who were gliding past us; in case you did not know, skiers are everywhere in Courchevel, ski tracks criss-cross the town streets.

The driver brought us to the door of L'Apogée, our hotel, handed us over to the porter and drove away with the clatter of snow chains. Masha, falling greedily upon snow, immediately rolled a snowball and threw it at the first avail-

able boy. The boy, dressed in overalls, helmet and ski goggles, nodded politely, hobbling comically in his ski boots, and walked on. He was obviously busy and was not inclined to spend time on silliness. Masha fell into a pensive mood.

Later, at the hotel bar where they promised to serve us pasta outside regular meal time, we met another boy, Tim. We knew Tim; more importantly, he also came there for

a helping of pasta. Tim was also dressed in overalls: after skiing, he was so hungry that taking him out of his gear before the meal was physically impossible. His mother did not even try.

The kids were served two plates; Masha and Tim started sucking long strands of spaghetti into their mouths. Having sucked it all up, the kids ensconced themselves in Tim's apartments on the second floor of L'Apogée. Half an hour of lecture from the veteran skier about his glorious achievements had tipped the scale: Masha rejected the very idea of sled and became an

aspiring skier. There were mere trifles to overcome: gear up and find an instructor. I could not teach her: I do not mountain-ski. Obviously, L'Apogée had everything and everyone; the next morning, my four-year-old daughter began her education. On the third morning, I received a video from Masha's teacher: the girl was going down the slope, holding her toy bunny called Hyppolite, as if she had never been doing anything else. Masha's fuchsia jacket, the pink skies she had chosen and a matching helmet stood out brightly against the white slope. And the white dome of the heaven. Snow was everywhere.

Actually, I had a jolly good time at L'Apogée as well: Japanese cuisine, fresh newspapers, green tea and the pool were a perfectly fine substitute for the mountains. I love snow from a distance – unlike my daughter.

Meteorological fact: in February and March, snow depth on the resorts of Courchevel reaches the mark of 240 centimetres